

КОЛОНКА КРИТИКА

Моск. провин. - 1991. - Числ.

Без ложного пафоса

В наши дни, когда наконец-то принят Закон о въезде и выезде, когда очереди у посольств во много раз превышают всемирно известную московскую очередь в «Макдоналдс», появления в Москве почти одновременно двух профессиональных еврейских театров — «Тум-балалайка» под руководством Михаила Глуза и «Шалом» под руководством Александра Левенбука — по меньшей мере выглядит странно. Но, может быть, именно так и надо? Когда еще из Польши уехали последние евреи, а знаменитый Театр имени Иды Каминской продолжает давать представления не только в Варшаве и не только в Польше, собирая похвалу аншлаги. Да и в московский ГОСЕТ в свое время разве ходили одни евреи?

Спектакли многочисленных национальных студий — как бы расцветили они театральную палитру Москвы!

Вот авторитетное мнение об этом театре. Оно принадлежит Гордону Крагу: «...Подлинной неожиданностью, без всякого преувеличения — потрясением оказался для меня «Король Лир»... Я шел в театр с нескрываемым недоверием. Я даже предупредил Михоэлса, чтобы мне было оставлено такое место в театре, с которого я мог бы подняться и уйти, когда мне это заблагорассудится. Но вот я в партере. Я понял оскверненный трагический смысл жеста рук актера Михоэлса, и я понял также, что с такого спектакля уходить нельзя...».

В справочнике «Театральная Москва» сообщается, что в 1928 году в столице постоянно работало несколько профессиональных национальных театров, дававших представления на украинском, татарском, латышском, армянском, еврейском языках. Отчего бы в наши дни Театру Дружбы народов, когда он наконец получит свое собственное здание по улице Москвина, не взять под опеку национальные театры-студии, что существуют на птичьих правах в Москве и сегодня? Почему, к примеру, в Нью-Йорке или в Париже могут работать десятки национальных коллективов, а в столице государства, объединяющего свыше 100 народов и народностей, свои спектакли показывают только цыгане и евреи?

В репертуаре театра «Шалом» пока два названия. «Заколдованный театр» — спектакль-реквием, посвященный 100-летию со дня рождения Соломона Михоэлса. И «Поезд за счастьем» — в подзаголовке значится: «Картины еврейской жизни». В обоих случаях используются мотивы произведений Шолом-Алейхема, Бабеля, национальный фольклор — мелодии, песни, танцы, анекдоты. Театр то устремляется к вершинам трагедии, то отважно бросается в пучину народной площадной комедии, не стесняясь смены ритмов, интонаций, одинаково свободно ощущая себя в философском монологе и в жанровой зарисовке.

Правда, то ли из-за того, что я смотрел обе работы подряд, то ли потому, что их создавали одни и те же люди, но после просмотра неожиданно возникает ощущение, будто оба раза ты видишь очень схожие спектакли. Я имею в виду не только отдельные повторяющиеся в общих чертах сюжеты, но прежде всего средства художественной выразительности, особенно пластику.

В «Поезде за счастьем» и пьеса Аркадия Хайта, и спектакль Александра Левенбука как бы делятся на две части. Первый акт идет легко, свободно, озорно, весело. Во втором то и дело возникает ощущение, будто кто-то опоздал на выход: сбивается ритм, темп, появляются остроты, длиноты, сомнительные по вкусу и свежести остроты, корбит слух прямолинейная газетная публицистика.

В этом отношении «Заколдованный театр» Феликса Кандела и Аркадия Хайта — произведение куда более совершенное, пронизанное не просто сквозным сюжетом, но единой темой. Пафос утверждения здесь начисто извлечен от ложного театрального пафоса. Да и как могло быть иначе в работе, посвященной трагической судьбе ГОСЕТа, своеобразном взволнованном воспоминании о наиболее значительных его спектаклях.

Верную доверительную интонацию находит Евгений Кравинский, обращаясь к залу, как к старому доброму другу. Он выступает как Лицо от театра, объединяя крошечные эпизоды в единый стройный рассказ, куда органически вплетаются фрагменты на темы «Товье-молочника», «Заколдованного портного», «Корселя Лира», «Блуждающих звезд», «Путешествия Вениамина III», «200.000»... Нет, нет, это не сцены из знаменитых спектаклей ГОСЕТа, а всего лишь намеки, пунктирно обозначающие репертуар и отчасти стилистику театра Михоэлса.

Кто знает, быть может, когда-нибудь пьесы эти появятся и на сцене театра «Шалом»? Ведь здесь собралось немало талантливых людей, главным образом молодых, пополнивших труппу после получения специального образования. Хотя есть среди них и опытные мастера. Все вместе они являют собой дружный актерский ансамбль, в котором одинаково почтено произносить большой монолог, лихо отплясывать коллективный танец или двигать... мебель. Не хочу никого выделять, ибо и театр не хочет этого делать. Все в нем одновременно участники хора солисты. И хотя «младенцу» без малого тридцать лет и он не забывает о тех, кто работал здесь прежде, нынешняя история театра «Шалом» началась сравнительно недавно, с приходом сюда Александра Левенбука.

У коллектива — масса проблем. И едва ли не главная среди них — репертуар. Конечно, можно и нужно призвать на помощь классику. Но что за театр без современной пьесы? А где ее взять, если талантливых новых пьес пока не появляется ни на каком языке?

Но театр работает, обживает свое небольшое, но слишком удобное для сценических представлений помещение, сильно удаленное к тому же от центра, что не мешает ему, однако, приносить радость зрителям. И в Москве, и на гастролях. И всюду в ответ на свое искусство актеры слышат неизменно «Шалом!». Что в переводе на русский означает «Здравствуйте!».

Б. ПОЮРОВСКИЙ.